

перья во все стороны торчали у него изо рта. Он всегда ест только то блюдо, которое стоит перед ним; пет человека более издержанного.

Он склонен к любовным утехам; на уме у него нечто галантные похождения: ему хочется, чтобы о нем говорили; но самая сильная его страсть — это честолюбие, нрав у него на редкость беспокойный, желчь в нем то и дело играет. В ранней юности он часто виделся со своей родней, и главным образом с г-жой де л'Эдигьер. Мнедается, что он был в нее влюблен, так же как и в книжницу де Гимене. Он так же часто встречался с сыном г-на д'Эггьи, своим родственником, о котором я уже говорил. У этого г-на д'Эггьи зрение было отроду не лучше, чем у него самого, и говорят, будто однажды они добрых четверть часа искали друг друга на большом дворе и никак не могли встретиться, так что в конце концов двум дворянам пришлось взять каждого из них за руку, дабы свести вместе. В семейном кругу, в который входила и г-жа де Гимене, развлекались, между прочим, и тем, что писали друг к другу вопросы касательно «Астрея»,³ и тот, кто на оные отвечал не точно, платил за каждую ошибку парой перчаток от Франжипана.⁴ Одному и тому же лицу посылали записку с двумя-тремя вопросами, например: по какую руку находился Бонльс при спуске с моста Ла-Бутрес, — и тому подобные вещи, то ли из области истории, то ли из географии; таким образом, каждый мог хорошенько изучить «Астрею». В конце концов и с той и с другой стороны было проиграно такое множество пар перчаток, что, когда взялись подсчитывать, — ибо все ответы тщательно записывались, — оказалось, что никто друг другу почти ничего не должен. Д'Эггьи поступил еще того чище: он отправился читать «Астрею» к самому г-ну д'Юрфе — и, по мере того как читал роман, он просил отозвать себя в те места, где происходило каждое из приключений.

Наш Аббат весьма плохо ладил со своею кузиной де Шомбер, ибо существовали две партии: партия жем Маршала и партия г-жи де л'Эдигьер; последняя была сильнее. Как-то на семейном вечере г-жа де л'Эдигьер заставила Аббата пригласить на танец г-жу де Шомбер, которая была донельзя безобразной, с совершенно кривыми ногами и с трудом ходила; его приглашение едва ее не взбесило. Ее ненавидели: она была уродлива и зла.

В ту пору кто-то предложил Аббату жениться на помню уж на какой знатной наследнице, немке и католичке, имени которой я так и не узнал. Ее родичи лютеране притесняли ее и хотели выдать за некоего веймарца, который в то время обучался верховой езде в Париже. Аббат соглашается и обещает свату одно из своих двух аббатств (у него их было два, второе называлось Кемперле); они приносили восемнадцать тысяч ренть или около того. Всего этого я так толком и не узнал. Аббат пустился в путь и переговорил с деицей; он даже подражал на дуэли с этим веймарцем и одержал над ним верх — не ловкостью, а храбростью, ибо не уступает в доблести принцу Конде (это не единственная